

Культурная внешняя политика Советской России и Германии(1922–1932 гг.) в белорусской современной исторической науке

С.Н. РОЖКОВА

В статье представлена характеристика постсоветского этапа в развитии белорусской историографии, касающейся культурной политики в отношениях между Советской Россией и Германией. Рассматриваются концепции, разработанные белорусскими историками, которые освещают особенности и изменения в советско-германских культурных взаимодействиях за этот период.

Ключевые слова: культурная политика, Советская Россия, Германия, белорусская историография, международные отношения.

The article presents a characteristic of the post-Soviet stage in the development of Belarusian historiography concerning cultural policy in relations between Soviet Russia and Germany. The concepts developed by Belarusian historians, which highlight the features and changes in Soviet-German cultural interactions during this period, are considered.

Keywords: cultural policy, Soviet Russia, Germany, Belarusian historiography, international relations.

Введение. Версальская система поставила Веймарскую республику в исключительно трудное положение. Державы-победительницы, наряду с политическими и торгово-экономическими санкциями, развернули в начале 1920-х гг. активную культурно-политическую борьбу против Германии. Она выразилась в политике «тотального молчания» и «психологической войны» против немецкой науки и культуры. Франция и Англия создали в Лиге Наций специальные органы для бойкота германской науки. В подобной ситуации Берлин выбрал восточную культурную политику, которая должна была противодействовать планам Антанты. Научно-технический и культурный обмен с Советским Союзом стал важнейшим инструментом такой политики.

Рапалльский договор 1922 г. не только нормализовал дипломатические отношения, но и заложил основу для культурного сотрудничества между Советской Россией и Германией. Оба государства стремились к взаимному признанию и обмену, чтобы противостоять изоляции (Германия – после Версальского договора, СССР – после революции).

Основная часть. В современной белорусской германистике особое внимание уделяется культурному сотрудничеству периода Рапалло. Германия активно использовала культурные связи для восстановления международного престижа и экономического обмена. Веймарская республика видела в СССР партнёра для «культурного моста» между Востоком и Западом.

В.А. Космач в этой связи пишет: «Основную роль в организации научно-технических и культурных связей с СССР в осуществлении основных целей внешней культурной политики в отношении социалистического государства играли Министерство иностранных дел Германии (МИД), культурные отделы германского посольства в Москве, Общество изучения Восточной Европы (ОИВЕ) и Общество взаимопомощи немецкой науки (НДВ). Активно участвовали в научном и культурном обмене с Советским Союзом многие другие организации и общества (Общество немецкой книги, “Русско-германский клуб”, Союз германских инженеров и т. д.), государственные и частные институты, музеи, библиотеки, архивы, фирмы и т. д.» [1, с. 140]. В июле 1923 г. в Берлине было создано «Общество друзей новой России». В 1923–1925 гг. Общество организовало 25 докладов о Советском Союзе, отчеты о его деятельности публиковались в 15 крупнейших немецких газетах. В 1925 г. на Учредительном конгрессе рабочих организаций Германии был создан Союз друзей Советского Союза и образован Комитет Союза друзей СССР. Данная организация состояла в подавляющем большинстве из рабочих и интеллигенции. Они ставили своей главной задачей пропаганду хозяйственных и культурных достижений СССР и организацию поездок рабочих делегаций в СССР [2, с. 12].

В 1925 г. в Москве было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), которое сосредоточило все научные связи СССР с зарубежными странами, в том

числе с Германией. С Германией связи ВОКСа были интенсивными и плодотворными. Только в 1926–1930 гг. ВОКС организовал 38 выставок о социалистическом строительстве и культурных достижениях в СССР.

Советско-германское культурное сотрудничество осуществлялось на основе Рапалльского, Московского и Берлинского договоров и являлось плодотворным и взаимовыгодным для обеих сторон. Советские и немецкие ученые провели ряд совместных научных экспериментов и мероприятий почти во всех отраслях науки, отмечает В.А. Космач. Особенно важные результаты дали: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1923 г. в Москве (в ее работе приняли участие 94 немецкие фирмы); празднование 200-летия АН СССР в Ленинграде в 1925 г.; неделя естественных наук в 1927 г.; неделя истории в 1928 г.; неделя германской техники в 1929 г. в Москве, неделя медицины в 1932 г. в Берлине. Встречи ученых обеих стран позволили решить целый ряд научных проблем, которые воплотились в публикации совместных изданий, проведении экспедиций, конгрессов, встреч, организации выставок, обмене научной литературой и архивными источниками, издании журналов и т. д. Все это убедило большинство немецких ученых в том, что научные и культурные связи с СССР «важнее, чем западный культурный комплекс», утверждает В.А. Космач [2, с. 14]. Большое взаимовлияние ощущалось в области музыкального искусства, театра и кинематографа. Советский театр, особенно В. Мейерхольда и А. Таирова, движение синематизма, социалистический кинематограф и литература непосредственным образом повлияли на формирование и развитие политического театра Э. Пискатора и немецкого народного театра (Фольксбюне), работу агитпропа, идейное и организационное сплочение революционных писателей и художников Германии. Все это усиливало эффективность культурной политики КППГ и укрепляло прогрессивные тенденции в развитии немецкого искусства в целом. В своей борьбе против реакции и фашизма КППГ и революционное искусство опирались на лучшие достижения советской культуры.

Германо-советское научно-техническое сотрудничество проходило в следующих формах: подписание и реализация соглашений о технической помощи или книгообмене; эмиграция немецких инженеров и рабочих в СССР; проведение совместных недель различных наук, экспедиций, ярмарок и выставок; издание печатных публикаций; обмен научной литературой, констатирует ученый [2, с. 15].

Особенно важное значение имели организованные в 1922–1929 гг. выставки работ русских художников в Берлине (1922 г.), советского искусства в Германии (1922–1923 гг.), немецкого искусства в СССР (1924 г.), картин К. Кольвиц, Г. Фогелера и других немецких художников в СССР. За 1926–1930 гг. ВОКС организовало в Германии 38 советских выставок. Впечатляющий след в истории германо-советских культурных контактов оставили выставки «Русско-византийской живописи», древнерусской иконной живописи, грузинского искусства в Германии. Международная музыкальная выставка в Франкфурте-на-Майне, выставка книги в Лейпциге, выставка прессы в Кёльне продемонстрировали высокий авторитет русского и советского искусства за границей. Распространенными формами германо-советского культурного обмена являлись также: гастроль театральных самодеятельных и профессиональных коллективов; концерты; индивидуальные и групповые выступления известных деятелей культуры; обмен литературой и другими художественными ценностями; проведение совместных вечеров и встреч; празднование юбилейных дат; организация и деятельность различного рода обществ; поездки писателей, художников и других работников культуры [2, с. 15].

Официальную культурную политику германских правящих кругов поддерживали Немецкая народная партия, Центр, Немецкая демократическая партия. Лидеры этих партий, особенно их правые силы, пропитанные духом антикоммунизма, рассматривали Рапалло не как принципиальную дружественную к СССР политику, а как средство выхода из внешнеполитической изоляции, трудного экономического положения и инструмент давления на Запад [1, с. 145].

В.А. Космач определил основные задачи внешней культурной политики Германии. В связи с этим он пишет, что основная задача германской внешней культурной политики в 1920 – начале 1930-х гг. была определена довольно конкретно – стабильная поддержка всех духовных контактов с немцами за границы с акцентом на культурное и традиционно-историческое единство всех немцев с их исторической родиной. Как задача стратегического плана она объедини-

ла либерально-демократические и патриотически-консервативные силы Веймарской Германии в рейхстаге и правительстве, а также в многочисленных союзах и организациях, работавших с немцами за границы, что, на наш взгляд, являлось довольно опасной тенденцией для исторической перспективы Веймарской демократии и Веймарской республики в целом.

Что касается основных каналов, практических форм и методов реализации этой ключевой задачи германской внешней культурной политики, то они были довольно разнообразными. Отметим в этой связи лишь то, что немецкие школы за границы снова выходили на первое место и как бы получали второе дыхание, вновь возрождаясь в качестве важнейшего компонента германской внешней культурной политики [3, с. 25].

С 1923 г. при МИДе Германии созывался даже специально созданный Государственный совет по высшей школе за границы, а с 1920 г. действовал попечительский Комитет по немецкому школьному образованию за границей, также имевший государственную поддержку. Наконец, в 1927 г. в Дармштадте был образован Союз немецких педагогов за границы. Но это была лишь небольшая часть тех усилий, которые предпринимались Берлином в этой области. Более солидная поддержка немецким школам за границы шла через негосударственные структуры (союзы, общества и т. д.). Основная масса немецких школ за границей продолжала оставаться частными. Их численность составляла более 7 тысяч, что в сравнении с довоенным временем заметно выросло. Заграничное школьное образование развивалось за пределами Германии в основном за счет частных пожертвований. В их общей массе самым весомым был вклад «Союза для немцев за границей» – 2,0 миллионов рейхсмарок в конце 1920-х гг.

Вторая важнейшая задача германской внешней культурной политики в рассматриваемый период состояла в том, чтобы как можно скорее прорвать духовную блокаду вокруг немецкой науки и культуры, организованную Антантой после Первой мировой войны. Отсюда ориентация Берлина прежде всего на активную борьбу с антантовской политикой «тотального молчания», идей и ее различными вариантами о «единоличной ответственности» Германии за развязывание Первой мировой войны [3, с. 26].

В третьих, что следует подчеркнуть, говоря об основных целях и задачах германской внешней культурной политики 1919–1933 гг., можно назвать стремление демократических правительств Веймарской республики совместно с правительствами других демократических государств Западной Европы и США создать своеобразный «духовный барьер» против активного экспорта идей мировой пролетарской революции, разлагающего влияния Пролеткульта и большевистско-советской культуры со стороны Советского Союза прежде всего в Европу, включая саму Германию, и другие страны мира [3, с. 27].

Таким образом, В.А. Космач показывает, что германское стремление к культурному сотрудничеству с СССР было многогранным, продиктованным как внешнеполитическими обстоятельствами, так и внутренними потребностями и опасениями.

Изучая внешнюю культурную политику европейских стран в межвоенный период, Д.А. Кривошей выделяет, что в начале 1920-х гг. в Германии в Министерстве внутренних дел был учрежден отдел по делам немцев за рубежом и культурным вопросам. Его деятельность проводилась по четырём ключевым направлениям: вопросы миграции и церковные дела, немецкие школы за границей, искусство и спорт, немецкая литература, а также поддержка научных исследований и академического обмена. Советское руководство также уделяло значительное внимание развитию культурных связей за границей. В 1922 г. был создан специальный комитет, посвященный организации гастролей артистов и художественных выставок. Деятельность этого комитета была направлена на продвижение позитивного имиджа страны за рубежом, как подчёркивает исследователь [4, с. 115].

Несмотря на рапалльское соглашение, идеологическое противостояние между Германией и Советским Союзом сохранялось. В.А. Космач указывает, что немецкие правящие элиты активно использовали внешнюю культурную политику для борьбы с советской идеологией. Он же отмечает, что обвинения в адрес большевиков в подготовке революции в Германии негативно влияли на двусторонние отношения [1, с. 41]. Основными формами антисоветской империалистической политики являлись: а) пропаганда превосходства немецкой науки и культуры; б) идеологическая диверсия против страны Советов; в) распространение буржуазный культур-

ных ценностей и образа жизни; г) антисоветская агитация среди национальных меньшинств; д) сбор научно-технической информации. Для осуществления этих задач применялись следующие методы: а) обмен учеными, студентами и творческими работниками; б) распространение антисоветской литературы; в) посылка доверенных лиц германских спецслужб в СССР; г) создание немецких школ и учреждений на территории Советского Союза; д) религиозная пропаганда; е) использование немцев Поволжья и немецких переселенцев для проведения антисоветских акций, в том числе в области культуры; ж) организация специальных обществ для ведения борьбы против социалистической и прогрессивной немецкой культуры.

Антисоветская культурная политика германских правящих кругов испытывала воздействие стремления немецкого рабочего класса и прогрессивной интеллигенции и ряда реалистически мыслящих политических деятелей к взаимовыгодному сотрудничеству с СССР. Все это смягчало антисоветскую направленность культурной политики Германии, придавало ей двойственный характер и обуславливало плодотворность научно-технических и культурных контактов, особенно в периоды улучшения советско-германских отношений [3, с. 19].

Н.Н. Мезга также подчеркивает деструктивное влияние идеологического фактора, указывая на двойственную политику Москвы: поддержание диалога с немецким правительством и одновременное содействие антиправительственной деятельности немецких коммунистов [5, с. 106].

В противовес этому, Д.А. Мигун полагает, что именно «реакционные силы» в Германии стремились дискредитировать рапальскую политику, обвиняя СССР в антигерманской пропаганде [6, с. 120], [7, с. 5].

В целом, белорусские историки, признавая наличие трудностей, оценивают советско-германские отношения в рапальский период как достаточно стабильные.

Они также акцентируют внимание на белорусском аспекте этих отношений. П.С. Романович, Д.А. Мигун, В.А. Космач и Д. Романовский отмечают, что рапальское соглашение 1922 г. распространялось на союзные республики РСФСР, что привело к юридическому признанию БССР Германией. Кроме того, белорусские исследователи выделяют культурные связи как важную составляющую сотрудничества между БССР и Германией в этот период [8, с. 24], [9, с. 147], [10, с. 55].

Белорусские исследователи отмечают значительную активность в издании белорусской литературы на территории Германии [11, с. 49], [12, с. 7], [13, с. 20]. И.А. Сороковик подчеркивает, что в период с начала 1920-х до середины 1930-х гг. между Германией и Советской Беларусью осуществлялся активный обмен научными изданиями. Белорусский государственный университет по запросу университетов Гамбурга, Кёнигсберга и Берлина отправлял свои «Труды БГУ», получая взамен немецкие научные публикации [14, с. 213, 214].

В.А. Космач также обращает внимание на то, что развитие культурных контактов между Советской Беларусью и Германией было ограничено строгой регламентацией. «Командируемым ставилась задача продвигать белорусскую культуру с целью попытки расколоть белорусскую политическую и культурную эмиграцию в Германии». По мнению исследователя, это усложняло процесс духовного сближения двух народов [10], [15, с. 46].

Заключение. В русле постсоветской историографии белорусские ученые подчеркивают активную внешнюю культурную политику Германии в отношении СССР в 1920–1930 гг. В условиях тотального молчания вокруг немецкой науки и культуры Германия сделала ставку на СССР. В этих условиях ключевыми факторами, способствовавшими активизации научно-технических и культурных отношений между двумя странами, стали подписание Рапальского договора и стремление Советского Союза к сотрудничеству. Культурная изоляция Германии выступила катализатором для усиления взаимодействия с СССР.

Германо-советское сотрудничество проявлялось в разнообразных формах: от подписания и реализации соглашений о технической помощи и книгообмене до миграции немецких инженеров и специалистов в Советский Союз. Проводились недели различных наук, экспедиции, ярмарки и выставки, издавались печатные материалы, осуществлялся обмен научной литературой. Сильное взаимовлияние ощущалось в сферах музыкального искусства, театра, кинематографа и живописи.

В то же время, историки БССР отмечают антисоветскую направленность германской культурной политики, выражавшуюся в антибольшевистских провокациях. Несмотря на это, богатые традиции культурных и научных связей, а также тесная связь между немецким пролетарским искусством и советской культурой способствовали культурному обогащению обеих стран.

После подписания дополнительного советско-германского соглашения от 5 ноября 1922 г. Рапальский договор распространил свое действие на союзные РСФСР республики. В результате этого правительство Германии признало Белорусскую ССР де-юре. Современные белорусские историки выделяют культурные связи как ключевое направление сотрудничества между БССР и Германией. Внешняя культурная политика обеих стран обогатилась новыми формами взаимодействия: проводились недели наук, совместные экспедиции, научные эксперименты, налажен регулярный книгообмен, а также осуществлялось участие в выставках и ярмарках.

Литература

1. Космач, В. А. До и после Рапалло / В. А. Космач. – Витебск, 2003. – 178 с.
2. Космач, В. А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / В. А. Космач. – Минск : БГУ, 1984. – 20 с.
3. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло : Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х гг. (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков, 2017. – 354 с.
4. Кривашэй, Д. А. Інстытуцыяналізацыя знешняй культурнай палітыкі краін Еўропы ў міжваенны час (1919–1939 гг.) / Д. А. Кривашэй // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг. : Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений, социально-гуманитарных наук и права : матер. Междунар. науч. конф., Витебск, 3–4 октября 2019 г. / редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГПУ им. П.М. Машерова, 2019. – С. 115–117.
5. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло : германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 195 с.
6. Мигун, Д. А. Германо-советский торговый договор 1925 г. и его значение / Д. А. Мигун // Вестнік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2009. – № 4 (39). – С. 119–122.
7. Мигун, Д. А. БССР в герmano-советских политических и экономических отношениях 20-х гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Веснік ГДУ ім. Я. Купалы. – 2010. – № 3 (101). – С. 3–8.
8. Мигун, Д. А. Рапальский договор 1922 г. и его влияние на герmano-белорусские связи в 20-е гг. XX ст. / Д. А. Мигун // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. – Мінск, 2015. – С. 23–25.
9. Рамановіч, П. С. Тэрыторыя і палітычна-прававы статус ССРБ у 1919–1922 / П. С. Рамановіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі : стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця : матэр. рэспуб. навук. канф. : у 4 ч. ; пад. рэд. І. П. Крыня [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2003. – Ч. 4. – С. 145–148.
10. Романовский, Д. «Белорусский вопрос» во внешней политике Веймарской Германии. Деятельность IV отдела министерства иностранных дел – секция «Weissruthenien» / Д. Романовский // Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой политики 20 века: опыт и уроки для современности : Белорусско-германско-российская Междунар. конф. : сб. матер. – Витебск, 2013. – С. 53–58.
11. Ермаловіч, В. 3 гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах XX ст. / В. Ермаловіч // Беларуская-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэр. Міжнар. «круглага стала». – Мінск, 1996. – С. 46–50.
12. Соколовский, В. Л. Белорусско-немецкие литературные взаимосвязи периода Веймарской республики (1919–1933) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 10.01.03 / В. Л. Соколовский. – Минск, 1997. – 21 с.
13. Ковалева, Л. А. Внешнеполитическая деятельность Советской Беларуси в 1919–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Л. А. Ковалева. – Минск, 1998. – 26 с.
14. Саракавік, І. А. Беларуская-германскія навуковыя сувязі (1920–1930 гг.) / І. А. Саракавік // Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэр. Міжнар. навук. канф. – Мінск, 2017. – С. 212–216.
15. Космач, В. А. Палітыка Рапала і беларуска-германскія гаспадарча-эканамічныя, навукова-тэхнічныя і культурныя сувязі ў 1922–1932 гг. : стан, праблемы і вопыт / В. А. Космач // Беларуская-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне : гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэр. Міжнар. «круглага стала». – Мінск, 1996. – С. 39–46.